

М. С. Тейкин

ЭТНОНИМЫ КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ РЕГИОНАЛЬНОГО ОНОМАСТИКОНА: НА ПРИМЕРЕ СЕВЕРО-ВОСТОКА РОССИИ И ЭТНОНИМОВ ЧУКЧА И ЧУКЧАНКА

Региональная ономастика представляет собою разветвлённую систему, охватывающую имена, имеющие хождение в определённом регионе, – от относительно известных за пределами края до малознакомых. Сегодня ономастика – самостоятельная отрасль науки, предметом изучения которой служат как лексемы, безусловно относящиеся к собственным именам (напр.: топонимы, гидронимы), так и лексемы, стоящие на стыке проприативов и апеллативов, в число которых входят этнонимы. Изучение онимов края помогает найти лингвистические связи между неродственными соседними языками, выявить диалектные особенности, обнаружить места предыдущего обитания народов, выявить культурное взаимодействие и языковые заимствования, в связи с чем данная тема имеет особую актуальность. Региональные онимы могут являться регионализмами с точки зрения региональной лингвистики – постольку, поскольку они характерны для отдельной местности, но малоизвестны или же почти неизвестны вовне. В настоящей статье вводится понятие *ономастический регионализм* для более точного описания местных ономастических реалий в контексте региональной лингвистики, указывается на отличие его от термина *региональный оним*. Этнонимы небольших народов, как правило, не имеют широкого распространения за пределами проживания их носителей, поэтому данные слова можно отнести к ономастическим регионализмам. Именования малых этносов и субэтнических групп России до сих пор мало изучены с точки зрения их регионального компонента, в особенности этнонимы Северо-Востока, в связи с этим данная тема обретает особую актуальность. Этнонимы коренных малочисленных народов Северо-Востока России не рассматривались детально с позиции принадлежности их к дальневосточному региональному ономастикону. В настоящей статье автор останавливается на рассмотрении двух этнонимов одного малочисленного народа Северо-Востока России – чукчей; описываются официальные наименования мужчин и женщин – представителей данного народа с точки зрения принадлежности этнонимов одновременно к литературному языку и региолекту. В основе настоящего исследования лежит теоретическое изучение вопроса отнесения лексических единиц *чукча* и *чукчанка* к ономастическим регионализмам. Автор приводит практический пример перехода этнонима *чукча* из региолекта в ядро литературного языка и указывает на основные причины того, почему женский дериват данного этнонима, *чукчанка*, по настоящее время остаётся на периферии и малоизвестен за пределами компактного проживания народа.

Ключевые слова: *ономастика, ономастикон, оним, этноним, микроэтноним, Северо-Восток России, регионализм (лингвистический), ономастический регионализм, региональный оним, чукча, чукчанка.*

Для ономастики значительный интерес представляют региональные имена, не известные широко за пределами места распространения и потому мало изученные. В их число входят топонимы, гидронимы, оронимы, урбанонимы и др. онимы. Предметом региональной ономастики является изучение онимов отдельных территорий или же совокупность всех онимов одной территории, взятой для исследования. Региональными в ономастике являются особенности слова, присущие конкретной местности и отсутствующие в других местностях или в общерусском ономастическом пространстве в целом. Специфику региональной ононимии обуславливают не только лингвистические, но и экстралингвистические факторы: природные, социальные, экономические, политические и др. Региональная ономастика определяется историей заселения и развития края, этнической однородностью или неоднородностью, удалённостью от центра, темпами экономического развития и т.п.

Северо-Восток России, являясь самой отдалённой от центра страны территорией с суровым климатом, всегда отличался малой заселённостью. До периода промышленного освоения

(1930-е годы) здесь проживало преимущественно малочисленное автохтонное население и русские старожилы, в регионе издревле было представлено значительное число этносов. Как следствие этого, на Северо-Востоке использовались различные этнонимы для каждого народа и для отдельных субэтнических, племенных и просто географических групп (микроэтнонимы), что обуславливало богатство регионального этнонимикона. С начала политических перемен и последовавшего промышленного освоения края резко выросло в количественном отношении число русских, ставшее преобладающим. Эти факторы наложили отпечаток на ономастику края: появились новые топонимы (напр.: *Магадан, Сокол, Палатка, Стекольный*), политические изменения в стране способствовали преобразованиям в этнической ономастике, повлекли за собой смену аллоэтнонимов (так, *ламуты* стали называться *эвенками, тунгусы – эвенками*). При этом число этносов на Северо-Востоке не изменилось: здесь проживали те же народы, но изменилось процентное (качественное) их соотношение.

Прежде чем говорить об этнонимах-регионализмах, следует дать подробное разъяснение понятию *региональная ономастика*. Ю. Ю. Гордова понимает под ней: 1) одно из направлений ономастики, которое изучает имена собственные отдельных территорий; 2) совокупность имён собственных одной территории. «Региональное в ономастике – это то особенное, что присуще конкретному региону, в противопоставлении другому региону (регионам) либо общерусскому ономастическому пространству в целом. <...> В итоге ономастика региона предстаёт единой и целостной системой, характеризующейся взаимосвязью онимов всех уровней (разных классов, разных временных пластов, системой детерминативов и т.д.)» (Гордова, 2018: 29).

Ономастика каждого региона есть единая и целостная система, в которой онимы всех уровней взаимосвязаны между собой. Исторические и устаревшие названия переплетаются с современными (*тунгусы–эвенки, ламуты–эвенки, луораветланы–чукчи*), онимы разных классов служат источником именованья топографических объектов: например, от этнонимов и гидронимов образуются топонимы, от топонимов – катойконимы и эргонимы и т. д.

А. В. Суперанская в начале 1970-х годов определяла ономастику как прикладную науку (Суперанская, 1973: 7), а через десять лет В. Д. Бондалетов писал, что ономастика выделилась в самостоятельную науку (Бондалетов, 1983: 3, 8). В 1960-е годы наблюдается всплеск ономастических изысканий, появляются работы в области топонимики, антропонимики и других ономастических разделов, исследования охватывают широкий спектр имён. В этом случае не совсем верно определять ономастику как раздел языкознания: во-первых, ономастика находится на стыке наук и обладает комплексным предметом исследования с доминирующим лингвистическим компонентом; во-вторых, сама ономастика делится на множество разделов, имеет ядерные и периферийные структуры, находящиеся на границе между собственными и нарицательными именами; в-третьих, ономастика оказывает влияние и вне пределов собственно лингвистики.

В сознании любого человека существует ономастическая картина мира. Под ней понимается совокупность ономастических знаний человека о мире, вербализованных онимами (Щербак, 2008: 98). Региональный ономастикон отличается наличием диалектных или региональных категорий и отражается в индивидуальном сознании жителей территории.

В отличие от большинства онимов, относимых наукою к именам собственным, этнонимы имеют неоднозначный статус. При этом следует отметить, что они вписываются в определение имени собственного, данного в середине XX века британским исследователем А. Гардинером: «Имя собственное – это слово или группа слов, признающиеся имеющими идентификацию своей специфической целью, достигающие или стремящиеся достичь данной цели посредством только своего рода различительного звука, независимо от какого-либо смысла, который имел первоначально этот звук или который он приобрел в результате связи с идентифицируемыми посредством него объектом или объектами» (Gardiner, 1957: 73).

В. А. Никонов считает этнонимы именами собственными (Никонов, 1970: 5–6) и отвергает аргумент противников по поводу написания их со строчной буквы. Действительно, в других языках этнонимы пишутся с прописной буквы (напр., в английском; из славянских – в сербском, польском), в прошлом такое написание имело место и в русском языке.

А. В. Суперанская видит в этнонимах имена нарицательные, не соглашаясь с В. А. Никоновым. Исследовательница сближает этнонимы с обозначениями лиц по социальному положению, производственной деятельности, принадлежности к различным объединениям (приводятся примеры: *москвичи, рыбаковы, гегельянцы, утописты, дворяне* и т.п.), являющимися коннотирующими и с неопределённым денотатом. По её мнению, все эти термины могут обозначать не только дворян, гегельянцев и др., но могут относиться к недворянам и к не истинным гегельянцам; такое употребление данных слов возможно благодаря их отчётливым коннотациям. «Если добавить, что этнонимы, как правило, коннотируют, то совершенно очевидно, что они не могут быть отнесены к собственным именам» (Суперанская, 1973: 206).

Такая позиция представляется всё же чрезмерно резкой. Например, фамилия *Иванов* может обозначать не истинного Иванова, а быть всего лишь псевдонимом или же обобщённым обозначением русского, однако от этого антропоним *Иванов* не перестаёт быть именем собственным; денотат данного онима неопределённый. Лексические единицы *рыбаковы, дворяне* и проч. правомерно признаются нарицательными именами, поскольку в их основе лежит апеллатив. То же касается термина *гегельянцы*: образованный от антропонима (фамилии философа), он имеет архисему ‘последователь какого-либо учения’, сближаясь с такими терминами, как *утописты, коммунисты, демократы* и т. п., в основе которых лежат нарицательные имена.

А. А. Белецкий полагал, что лексика любого языка не делится чётко на два класса несобственных (нарицательных) и собственных имён, и видел необходимым установить переходные, промежуточные лексические слои. Исследователь относил к таким слоям «врождённые», неизменные и постоянные наименования человеческих коллективов – катойконимы и этнонимы, обозначая их общим термином *койконимы*. А. А. Белецкий с осторожностью относился к проведению границы между ономастикой и апеллативной лексикой: «...мы должны прийти к выводу о том, что эти границы не могут считаться определёнными раз и навсегда и совершенно непререкаемыми» (Белецкий, 1972: 19).

Касательно этнонимов правильно будет согласиться с А. С. Щербак, осторожно относящейся к жёсткому противопоставлению собственных и нарицательных имён, поскольку это не позволяет понять и проследить процессы взаимодействия лексикона и ономастикона (Щербак, 2008: 19).

Автор настоящей статьи относит этнонимы к промежуточному лексическому слою, находящемуся ближе к именам собственным.

В региональной этнонимии существует множество актуальных вопросов, для решения которых, как указывает Т. А. Сироткина, требуется привлечение для анализа местного языкового материала, использование новых научных методов, тщательное описание истории развития и современного состояния региональных этнонимиконов, а также лексикографическая обработка материала и создание словарей (Сироткина, 2011: 58).

Ономастикон складывается из различного языкового материала, существуя в виде лексических единиц, исторически принадлежащих разным языкам. В нём всегда присутствуют элементы различного временного состояния одного языка и его региональные варианты. Всё это обуславливает неоднородность ономастикона, его многогранность.

Онимия – это «результат длительной целенаправленной культурной и языковой деятельности людей» (Суперанская и др., 2007: 26). Длительные контакты носителей различных языков обуславливают появление сходных элементов в онимических системах. Общность представлений, сходство образа жизни, единые религиозные воззрения формируют культурно-исторический круг, оказывающий непосредственное влияние на онимикон входящих в него

народов. Народы Северо-Востока, в прошлом ведшие преимущественно кочевой образ жизни, несмотря на различия между разными этносами, имели общие черты в языке и культуре. Для северного кочевника важную роль играет олень, что было отмечено ещё в XIX столетии А. А. Ресиным, указавшим на данное животное как на главный фактор различия в складе жизни между инородцами севера (Ресин, 1888: 36). Это обусловило множество апеллятивов, относящихся к данному животному, в чукотском, эвенском, эвенкийском и других языках народов Северо-Востока. Так, в эвенском языке существуют отдельные слова, обозначающие домашнего оленя (*оран*) и оленя дикого (*бююн*, местный падеж *бююндулэ*) (Роббек и др., 1988: 176). Чукотский язык имеет богатый оленеводческий лексикон, не имеющий аналогов в русском языке, напр.: *пэ́нвэл* ‘телёнок-самец в возрасте двух лет’, *элвээк* ‘олень с белой ногой от копыт до колена’, *пэ́вилзу* ‘олень с широкими концами рогов’, *люкыл* ‘бросающийся в сторону олень (в упряжке)’, *эквэв* ‘левый упряжной олень’ (Куликова, 2016: 158, 161, 162, 165, 167). Важность данного животного в хозяйстве тундровых кочевников наложила отпечаток и на северо-восточный этнонимикон. Так, кочевые коряки называются *чавчувен*, оленные чукчи – *чаучу* ‘богатый оленями’. Занимающиеся оленеводством эвены, проживающие на побережье Охотского моря, носят микроэтноним *ороч*, происходящий от слова *оран* ‘олень’. В данных случаях сходство культур повлияло на этническую ономастику.

Региональные онимы существуют во всех местах проживания и посещения человека и представлены широким кругом названий неживых объектов и живых существ, включая наименования людей по месту проживания, национальности и т. п.

Региональный этнонимикон, по мнению Т. А. Сироткиной, – это основа для воссоздания общерусской этнонимической системы (этапов её формирования, особенностей функционирования) (Сироткина, 2005: 84). В этом состоит его важность и непреходящее значение.

Этнонимы малочисленных народов Северо-Востока заимствованы из языков, имевших распространение в данной местности во время появления здесь русских первопроходцев. Народы, с которыми сталкивались промышленники и служилые люди, пришедшие в край впервые в XVII веке, назывались теми именами, которые использовали их соседи, реже это были самоназвания всей этнической общности. Почти все данные ономастические единицы фактически имеют хождение на ограниченной территории, при этом более широко употребительные лексемы с аналогичным значением отсутствуют, в связи с чем нельзя исключать из литературного языка слова ограниченного хождения. Региональные онимы – единственные и официальные названия следует относить к литературному языку, хотя бы они и имели очень узкое распространение.

Этнонимы следует делить на три части (приводятся в порядке убывания):

1. *Макроэтнонимы* – названия суперэтносов, больших групп народов по языковому или географическому признаку. Имеют международное распространение. Примеры: *славяне*, *тюрки*, *западноевропейцы*.

2. *Собственно этнонимы* – названия этносов, народов, крупных субэтнических единиц отдельных народов. Имеют международное или общегосударственное (макрорегиональное) хождение. Примеры: *немцы*, *китайцы*, *чукчи*, *бушмены*; *баварцы*, *галисийцы*. Название целого народа также может называться *общим этнонимом*.

3. *Микроэтнонимы* – названия субэтносов, небольших территориальных групп народов. Имеют ограниченное распространение – в пределах проживания носителей микроэтнонимов, иногда на прилегающих территориях. Примеры: *нама́ткан* – приморский эвен, т. е. живущий на побережье; так называют своих сородичей эвены, обитающие в глубинах материка (Новикова, 1960: 11; В. А. Роббек, М. Е. Роббек, 2005: 187), *илкан* – эвен, живущий вблизи Арктического побережья между Яной и Колымой (Бурыкин, 2006: 164), *хундысал* – непский эвенк Нижней Тунгуски (Сирина, 2012: 53).

Региональная этническая ономастика – совокупность этнонимов одной территории. В этом смысле к региональной этнической ономастике следует отнести все этнонимы, присутствующие в крае (расширительный вариант). В настоящей статье используется ограничительный вариант, при котором из региональной этнической ономастики условно выводятся за скобки этнонимы народов, проживающих на всей или почти всей территории страны и оттого имеющие хождение во всех регионах. Таким образом, этнонимы *русские*, *татары* и т. п. не следует рассматривать в качестве региональных на Северо-Востоке, несмотря на присутствие данных этносов в крае: эти слова не относятся к местному региолекту, поскольку имеют широкое хождение далеко за пределами Северо-Востока. На указанной территории проживает также русское старожильческое население, бывшее здесь до периода промышленного освоения края. Его начали описывать до революции; например, В. М. Зензинов посвятил старожилам Русского Устья в Якутской области отдельный труд (Зензинов, 1914), продолжились исследования и после. Русские старожилы имеют свои названия (*походчане*, *русскоустынцы*, *индигирцы* и др.), входящие в региональный этнонимикон, поскольку данные онимы служат номинации не всего многочисленного народа, а его небольшой части.

Этнонимикон определённого региона – это зеркало той этнической карты, которая существовала в нём в прошлом и существует в данный момент (Сироткина, 2008: 110).

Всего на Северо-Востоке представлено двенадцать малочисленных народов, не считая их субэтнических групп: *алеуты*, *ительмены*, *камчадалы*, *коряки*, *чуманцы*, *чукчи*, *эвенки*, *эвены*, *эскимосы* (азиатские), *юкагиры*, в незначительном количестве сохранились также *айны* и *керекы*.

Этнонимы края влияют на ономастику в целом: от них образуются этнопонимы, этногидронимы и др. ономастические единицы. Так, на Чукотке существуют населённые пункты *Ламутское*, *Чуманское*, в Магаданской области – *Эвенск*, в Якутии – *Юкагир*, на Камчатке – *Коряки* и *Южные Коряки*; на Чукотке текут реки *Чукчанка* и *Юкагир*. Ю. Ю. Гордова так объясняет данное явление: «...эти названия ещё раз подтверждают существующий в топонимике “феномен края”, суть которого заключается в активизации на границе распространения той или иной культуры связанной с ней этнопонимии» (Гордова, 2018: 384). Действительно, этнонимы широким образом влияют на ономастические регионализмы: во всех регионах существуют этнонимические названия, являющиеся объектом для изучения в многочисленных исследованиях (Бурыкин, 2006; Сироткина, 2008; Гордова, 2018 и др.).

Вместе с тем полное лингвистическое исследование всех этнонимов Северо-Востока, включая русское старожильческое население, к настоящему времени не проведено. В связи с этим представляется важным изучение региональной лингвистики территории в этнонимическом аспекте.

Этническая ономастика неоднородна – она подразделяется на различные категории. В зависимости от степени распространённости в языке этнические имена делятся на общеизвестные и локальные, при этом система не является стабильной: с течением времени ситуация может измениться, и вчерашние общеизвестные имена отойдут в пассивный запас, предоставив место новым этнонимам. По замечанию А. С. Щербак, «тематический принцип группировки ономастической лексики лежит в основе ономастической категоризации и соотносится с конкретно-предметным уровнем категоризации действительности» (Щербак, 2008: 48). Широкая или узкая представленность этнонимов в лингвистическом пространстве зависит от многих факторов: степени известности носителей этнонима, их численности, места проживания, глубины научной изученности, а также от исторических событий, могущих накладывать субъективный отпечаток на имена и вовлекать их в широкий круг употребления.

Общеизвестными этнонимами являются имена многочисленных народов России: *бурят*, *калмык*, *карел*, *татарин*, *якут* и др.

Этнонимы, служащие в русском языке официальным обозначением целого народа, не могут относиться к собственно регионализмам, поскольку не являются специфически местными названиями на территории проживания народов. Такие имена можно считать *относительными регионализмами*. По определению Н. Н. Соколянской, это «слова, известные в литературном языке, но неупотребляемые или почти неупотребляемые большинством носителей русского литературного языка в силу того, что реалии, обозначаемые этими словами, не являются актуальными для них» (Соколянская, 2016: 58).

Региональная ономастическая система существенным образом накладывает отпечаток на этническое видение. В сознании человека определённые этнонимы привязываются к территории, и в этом смысле «региональными» становятся многие, если не все, названия народов, в особенности малочисленных. В таком случае следует говорить не об этнонимах – относительных регионализмах, а о степени региональной составляющей отдельных этнонимов: названия народов, проживающих на ограниченном пространстве (значение большой площади такового нивелируется территориальной широтой самой России), являются частью региональной ономастики. В этом смысле ономастические регионализмы представляют собой существенное отличие от регионализмов в смысле лексем релиолекта, в чём-либо, но имеющего отличие от литературного языка. Следовательно, верным будет вывод, что регионализм более сложное понятие, чем диалектизм: последний не относится к литературному языку, классификация первого значительно сложнее: определённый (большой) пласт регионализмов нелитературен или околотитературен, отдельные пласты однозначно следует отнести к литературному языку. Ономастические единицы – единственные наименования являются частью литературного лексикона, при этом могут быть региональными.

Таким образом, можно говорить о наличии ономастических регионализмов и следует дать определение данному термину.

Ономастический регионализм – это слово или словосочетание, использующееся для наименования неодушевлённого объекта, живого существа, сложившейся общности людей, имеющее хождение на ограниченной территории – как правило, в месте нахождения непосредственного носителя – и недостаточно или мало известное за пределами нахождения или проживания именуемого им лица.

Может возникнуть замечание: для чего использовать термин *ономастический регионализм*, если существуют иные: *относительный регионализм*, *региональный оним* и т.п.?

Термин *относительный регионализм* включает в себя множество слов, большей частью апеллятивов; это не позволяет чётко отграничить имена нарицательные от имён собственных и имён, находящихся в промежуточном лексическом слое (таких как этнонимы). Поэтому, по мысли автора, следует использовать термин, позволяющий чётче обозначать именно онимы с региональной составляющей, отделяя их от апеллятивов.

Термин *региональный оним* не абсолютный синоним термина *ономастический регионализм*. *Региональный оним* – название, имеющее хождение на определённой территории, такими являются и имена, широко известные за пределами непосредственного нахождения объекта, например: *улицы Остоженка, Ильинка, Тверская улица* в Москве; *Невский проспект, Дворцовая площадь* в Санкт-Петербурге; *Светланская улица, бухта Золотой Рог* во Владивостоке; *Софийская сторона* в Великом Новгороде; *города Магадан, Петропавловск-Камчатский* на Северо-Востоке. Всё это часть регионального ономастикона, но не регионализмы в собственном смысле: вышеприведённые топонимы хорошо известны за пределами мест своего нахождения. Таким образом, региональный ономастикон может включать в себя не только и не столько регионализмы, сколько онимы определённой территории в совокупности – как общеизвестные, так и малоизвестные вне места распространения.

Термин *ономастический регионализм* уже термина *региональный оним*, поскольку обозначает исключительно регионализмы, являющиеся частью релиолекта и малоизвестные за

пределами территории непосредственного хождения. В связи с этим автор выделяет два разных термина и не смешивает их во избежание двусмысленности.

В зависимости от объекта именованного можно говорить о топонимических, этнонимических регионализмах и т.п. На Северо-Востоке, например, представлены такие региональные онимы, как *Талон*, *Клёпка*, *Усть-Омчуг*; *Сусуман* (топонимы – посёлки и город); *Дукча*, *Магаданка*; *Марчекан* (гидронимы – реки и ручей).

Этнонимическая лексика, являющаяся обозначением целых народов Северо-Востока, будучи региональной, относится тем не менее к литературному языку. Спорность такого отнесения может возникнуть ввиду малой представленности северо-восточной этнонимической терминологии в русском языковом пространстве, причиной чему служит малочисленность проживающих здесь народов, а следствием – малое знакомство или же полное его отсутствие у жителей других регионов России с местными этнонимами Северо-Востока.

Наименования северных народов не являются широко известными вне пределов проживания самих представителей данных этносов, поэтому этнонимы Северо-Востока следует отнести к региональной лексике.

Единственным исключением здесь является этноним *чукча*, хорошо известный среди всех носителей русского языка и широко распространённый в русском лингвистическом пространстве. Тому есть две причины (вторая из них негативного характера): 1) широкая известность топонима *Чукотка* как отдалённого края России; 2) анекдоты про чукчу. Остальные одиннадцать официальных этнонимов народов Северо-Востока (алеуты, ительмены, камчадалы, коряки, чуванцы, эвенки, эвены, эскимосы, юкагиры; айны, кереки) можно считать ономастическими регионализмами. Одиннадцать названных этнонимов отнесены к регионализмам на основании опроса жителей Северо-Востока и отдалённых от региона местностей, подтвердившего малую известность или полную неизвестность малочисленных народов Северо-Востока среди лиц, проживающих вне региона. Результаты отражены в статье автора, опубликованной в 2019 г.¹

Этнонимы разделяются на *общие*, обозначающие весь народ, и *местные*, обозначающие отдельные его группы, различающиеся по многим критериям – от территориальных до бытовых и субэтнических. Такие этнонимы, маркирующие отдельные небольшие группы этноса, Л. Н. Хаховская, говоря о малочисленных народах Северо-Востока и следуя общепринятой в науке терминологии, называет *микроэтнонимами* (Хаховская, 2018: 27).

Разбросанность на значительной территории, а также кочевой образ жизни части представителей племён способствовали появлению у народов местных самоназваний – микроэтнонимов; некоторые из них вошли в русский язык, но представлены в основном в научной литературе и малоизвестны даже жителям Северо-Востока.

Необходимость термина *микроэтноним* обусловлена тем, что зачастую трудно бывает определить «нижнюю границу» этноса, как указывает А. А. Белецкий (Белецкий, 1972: 165). К микроэтнономам относятся субэтноты, родовые общины, роды, сюда же входят неофициальные названия территориальных групп, иногда сближающиеся с прозвищами и оттого стоящие на грани литературного языка и просторечия.

В некоторых случаях микроэтнонимы могут смешиваться с катойконимами. Например, отдельные группы коряков называются *паланцы*, *итканцы* – по названиям посёлков; похожим образом называло себя метисированное население Северо-Востока: *гижигинцы* (от *Гижиги*), *марковцы* (от *Маркова*), затем большую часть причисленное соответственно к камчадалам и чуванцам. То же самое наблюдается в названиях русского старожильческого населения: *русскоустыинцы* (от *Русского Устья*), *походчане* (от *Походска*). В таких случаях целесообразно или образовывать с помощью аффиксов новые слова для катойконимов (что не всегда нужно,

¹ Тейкин М. С. Этнонимы как особый пласт регионализмов: на материале наименований народов Северо-Востока России // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21, № 2. С. 549–557.

т. к. микроэтнонимы за пределами края почти неизвестны), или же специально оговаривать, о ком идёт речь: о любом жителе населённого пункта либо о представителе субэтнической группы.

Общие этнонимы в отличие от микроэтнонимов, чей статус в русском языке пока что спорен, однозначно относятся к литературному языку: во-первых, они являются официальными обозначениями народов и встречаются в нормативных актах, где может использоваться только литературная лексика; во-вторых, они встречаются в самой разной литературе – от научных трудов до художественных произведений; в-третьих, такие этнонимы неплохо известны жителям Северо-Востока (микроэтнонимы – далеко не всегда и не всем).

Типичным показателем «региональности» слова служат отличия в употреблении и выборе лексем жителями других регионов.

Как указывалось выше, живущие в России носители русского языка хорошо знакомы с чукчами. В большинстве случаев в речи проживающих вне пределов Северо-Востока чукотская женщина обозначается тем же этнонимом, что и мужчина, т. е. *чукча*; таким образом, данное существительное воспринимается ими как имеющее общий род. Однако непосредственно проживающие на Северо-Востоке чукотскую женщину чаще назовут *чукчанка*; в речи таких людей *чукча* имеет исключительно мужской род. Различные словари фиксируют три варианта рода существительного: 1) мужской, 2) мужской и женский, 3) мужской (женский вариативен). Так, Словарь современного русского литературного языка (Большой академический словарь – БАС) и Словарь русского языка (Малый академический словарь – МАС) указывают, что существительное *чукча* имеет мужской и женский род, но при этом приводят производное от него *чукчанка*, женского рода (БАС, 1965: 1194; МАС, 1999: 693). Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова, Большой толковый словарь русского языка (БТС) и Новейший большой толковый словарь русского языка (НБТС) (последние два – под редакцией С. А. Кузнецова) указывают исключительно на мужской род существительного *чукча* и приводят женский дериват *чукчанка* (Ожегов, 2008: 711; БТС, 2003: 1486; НБТС, 2008: 1488). Толковый словарь русской разговорно-обиходной речи В. В. Химика, приводя лишь нелитературное значение лексемы *чукча* (глуповатый, наивный человек, простак), указывает на вариативность женского рода данного существительного (Химик, 2017: 471); при этом в нелитературном значении слово *чукча* как раз могло бы иметь общий род.

Примечательно, что в БТС и НБТС приводятся две статьи с одним и тем же этнонимом в разных числах: (1) *чукча*, представлены два значения лексемы: 1) представитель народности чукчи, 2) о наивном, ограниченном человеке (второе значение разговорное); при этом указано на женский род существительного; (2) *чукчи*, от *чукча* (мужского рода). Данный факт трудно объяснить иначе, чем ошибку или же неправильную подачу материала. – Во-первых, в словаре лексема *чукча* объясняется через существительное мужского рода *представитель* (женская форма – *представительница*); при этом статьёй ниже указывается, что лексема *чукчи* в этнонимическом значении в единственном числе имеет форму *чукча* (мужского рода). Во-вторых, в нелитературном значении слово *чукча* значительно чаще имеет мужской род, чему много примеров в сниженной, экспрессивной речи.

Академические словари русского языка советской эпохи (БАС, 1965; МАС, 1984) указывают на общий род существительного *чукча*, к чему следует относиться критически. Правильнее было бы указать, что у существительного *чукча* женский род просторечен, а феминитивной словоформой является *чукчанка*. В данном отношении Словарь современного русского литературного языка (БАС) допустил неточность, повторённую Словарём русского языка (МАС). В этой связи интересно посмотреть, как описывается лексема в близкородственном языке. Так, Словарь украинского языка указывает, что *чукча* имеет только мужской род, и приводит женский дериват *чукчанка* (СУМ, 1980: 381). Те же данные о родовой принадлежности существительного повторяются в Большом толковом словаре современного украинского языка (ВТС, 2005: 1609), изданном в XXI в.

Следует констатировать, что украинский академический словарь советской эпохи оказался точнее в описании родовой принадлежности этнонима, чем русский академический словарь того же периода.

Этноним *чукчанка*, разумеется, следует отнести к ономастическим регионализмам: частота его употребления высока на Северо-Востоке и стремительно снижается к западным регионам России. «Региональность» этнонима *чукчанка* – отголосок прежней «региональности» этнонима *чукча*. Следует обозначить причину, почему последний, перестав быть ономастическим регионализмом, не «потянул» за собой *чукчанку*.

Во-первых, в обиходной речи, а особенно – в литературе всех направлений чаще упоминается народ, а не отдельные его представители. Особой собирательной формы этнонима для обозначения чукчей нет. Для этих целей используется множественное число – *чукчи*, что значительно увеличивает частоту его употребления в сравнении с единственным числом, поскольку оно употребляется и в собирательном значении, и для обозначения двух и более лиц чукотской национальности (исключение из последнего случая – обозначение группы лиц, состоящих исключительно из женщин, – встречается нечасто). Во-вторых, как было упомянуто выше, не последнюю роль в «потере» региональной составляющей этнонима *чукча* сыграли многочисленные анекдоты. В подавляющем большинстве случаев героем анекдотов является чукча-мужчина. В-третьих, большая часть существительных второго склонения имеют женский род; существительные мужского рода, относящиеся к нему, как правило, обозначают лиц мужского пола (*напа, дядя*). Общность окончания обоих родов данного склонения позволяет словам – при наличии причин часто внелингвистического характера – обозначать лиц обоего пола, относиться к т. н. общему роду. (Например, существительные *судья* и *староста* исторически были исключительно мужского рода, в настоящее время также имеют и женский род: *две судьи, грамотная судья, наша староста*.) Данный факт объясняет применение этнонима *чукча* по отношению к женщинам. Однако такое словоупотребление этнонима нежелательно, поскольку не позволяет чётко выделять лиц разного пола. В-четвёртых, вытеснение феминитивов в советскую эпоху и открытое пренебрежение ими (Беркутова, 2018: 16, 18–20) не способствовали проникновению в лексикон людей, никогда не живших и не бывавших на Чукотке, этнонима *чукчанка*; он до сего дня остаётся региональным.

Корректнее относить слово *чукча* в значении ‘представитель палеоазиатского народа’ исключительно к мужскому роду: в таком случае оно приобретает половую маркированность и обеспечивает лучшее понимание текста. В целом, данное слово в речи проживающих в непосредственной близости от чукчей чаще всего имеет мужской род, т. н. общий род появляется в отдалённых от Чукотки регионах. Об исключении общего рода возможно будет говорить лишь в случае, если *чукчанка* перестанет быть ономастическим регионализмом; пока что это не предвидится. Однако вариативность в обозначении женщины *чукчанка* ~ *чукча* характерным образом маркирует речь и в случае употребления первого варианта даёт понимание: о принадлежности говорящего к жителям определённой местности, о пребывании на территории проживания чукчей, о контакте с чукчами или же о наличии минимальных знаний в области лингвистики. Употребление слова *чукча* для обоих полов чаще всего указывает на незнакомство говорящего с данным народом.

Степень заселённости местности зависит от климатических и географических факторов. Нахождение Северо-Востока в зоне сурового климата с длительной зимой и коротким летом обуславливает его историческую малозаселённость. Малочисленность народов влечет за собой низкую частоту встречаемости этнонимов, обозначающих их, в устной и письменной речи, в особенности – вне пределов их обитания. Данный фактор усугубляет региональность имён народов Северо-Востока, известность их в пределах ограниченной территории.

Список литературы:

- Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2003. – 1536 с.
- Беркутова В. В.** Феминативы в русском языке: исторический аспект // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. – 2018. – № 11 (43). – С. 6–22.
- Белецкий А. А.** Лексикология и теория языкознания (ономастика). – К.: Изд-во Киевского университета, 1972. – 210 с.
- Бондалетов В. Д.** Русская ономастика. – М.: Просвещение, 1983. – 224 с.
- Бурькин А. А.** Историко-этнографические и историко-культурные аспекты изучения ономастического пространства региона. Очерки по топонимике и этнонимике Восточной Сибири. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2006. – 224 с.
- Великий тлумачний словник сучасної української мови (з дод. і допов.) / Уклад. і голов. ред. В. Т. Бусел. – К.; Ірпінь: ВТФ «Перун», 2005. – 1728 с.
- Гордова Ю. Ю.** Лингвистические проблемы региональной ономастики (на материале рязанской топонимии и антропонимии): дис. ... докт. филол. наук: 10.02.21. – М., 2018. – 573 с.
- Зензинов В. М.** Старинные люди у Холодного океана. Русское Устье Якутской области Верхоянского округа / С предисл. В. В. Богданова. Изд. второе, испр. и доп. – М.: Типография П. П. Рябушинского, 1914. – 134 с.
- Куликова И. В.** Олень – в языке, жизни и душе чукчей. – СПб.: Лема, 2016. – 214 с.
- Никонов В. А.** Этнонимия // Этнонимы. – М.: Наука, 1970. – С. 5–33.
- Новикова К. А.** Очерки диалектов эвенского языка. Ольский говор. Ч. 1. – М.; Л: Изд-во АН СССР, 1960. – 264 с.
- Новейший большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт; М.: РИПОЛ классик, 2008. – 1536 с.
- Ожегов С. И.** Толковый словарь русского языка / Под ред. проф. Л. И. Скворцова. 26-е изд., перераб. и доп. – М., 2008. – 736 с.
- Ресин А. А.** Очерк инородцев русского побережья Тихого океана. – СПб.: Типография А. С. Суворина, 1888. – 78 с.
- Роббек В. А., Дуткин Х. И., Бурькин А. А.** Словарь эвенско-русский и русско-эвенский. – Л.: Просвещение, 1988. – 264 с.
- Роббек В. А., Роббек М. Е.** Эвенско-русский словарь. – Новосибирск: Наука, 2005. – 356 с.
- Сирина А. А.** Эвены и эвенки в современном мире: самосознание, природопользование, мировоззрение. – М.: Восточная литература, 2012. – 604 с.
- Сироткина Т. А.** Этнонимы как предмет региональной лингвистики // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия «Филологические науки». 2005. № 3 (12). С. 82–84.
- Сироткина Т. А.** Категория этничности в русском языке (на материале этнонимии Пермского края): Монография. – Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2008. – 216 с.
- Сироткина Т. А.** Актуальные проблемы современной этнонимии // Вестник Пермского университета. 2011. Вып. 4 (16). С. 53–59.
- Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. – Т. 4. – М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999. – 797 с.
- Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. – Т. 17. – М.; Л.: Наука, 1965. – 2126 стб.
- Словник української мови: В 11 т. – Т. 11. – К.: Наукова думка, 1980. – 700 с.
- Соколянская Н. Н.** Теоретические и практические занятия по региональной лексике Крайнего Северо-Востока // Региональная лингвистика (Крайний Северо-Восток России) / Под ред. А. А. Соколянского. – Магадан: СВГУ, 2016. – С. 57–84.
- Суперанская А. В.** Общая теория имени собственного / Отв. ред. А. А. Реформатский. – М.: Наука, 1973. – 366 с.
- Суперанская А. В., Сталтмане В. Э., Подольская Н. В., Султанов А. Х.** Теория и методика ономастических исследований / Отв. ред. А. П. Непокупный. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 256 с.
- Хаховская Л. Н.** Этнонимические процессы у аборигенов Северо-Востока России (на примере эвенов и камчадалов) // Россия и АТР. 2018. № 4. С. 25–36.
- Химик В. В.** Толковый словарь русской разговорно-обиходной речи: В 2 т. – Т. 2. – СПб.: Златоуст, 2017. – 530 с.
- Щербак А. С.** Региональная ономастика в когнитивном аспекте: монография. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина; ООО «Центр-пресс», 2008. – 197 с.
- Gardiner A.** The Theory of Proper Names. A Controversial Essay. 2nd ed., 2nd impr. – London; New York; Toronto: Oxford University Press, 1957. – viii, 78 p.

Список сокращений:

БАС – Словарь современного русского литературного языка; **БТС** – Большой толковый словарь русского языка; **ВТС** – Великий тлумачний словник сучасної української мови; **МАС** – Словарь русского языка; **НБТС** – Новейший большой толковый словарь русского языка; **СУМ** – Словник української мови.

Тейкин Михаил Спартакович – аспирант кафедры русской филологии и журналистики.

Северо-Восточный государственный университет.

Ул. Портовая, д. 13, Магадан, Россия, 685000.

E-mail: teikin-ms@mail.ru

Материал поступил в редакцию 18 декабря 2019 г.

M. S. Teikin

**ETHNONYMS AS A CONSTITUENT PART OF THE REGIONAL ONOMASTICON:
THE NORTH-EAST OF RUSSIA AND THE ETHNONYMS *CHUKCHA* AND *CHUKCHANKA*
AS THE EXAMPLES**

Regional onomastics is an entangled system that involves names circulating in a specific region, which can be relatively well-known or almost unfamiliar outwards. Today, onomastics is an independent branch of science having as its subject of study both lexemes certainly related to proper names (e. g.: toponyms, hydronyms) and lexemes which lie at the border of propriatives and appellatives, including ethnonyms. Region's onyms studying helps to find out linguistic links between non-related neighbouring languages, to elicit dialectal features, to discover the places of peoples' previous habitation, to identify cultural interaction and language borrowings – for that reason this topic is of particular relevance. Regional onyms can be regionalisms from the angle of regional linguistics, insofar as they are representative of a particular locality, but are of little notice or almost unknown beyond of it. This article introduces the concept of *onomastic regionalism* for clearer description of local onomastic realities in the context of regional linguistics and indicates the difference of *onomastic regionalism* from the term *regional onym*. As a rule, ethnonyms of small-numbered peoples do not have wide distribution outside their bearers' places of residence; for that reason, the author considers them onomastic regionalisms. The study of small ethnic and subethnic groups' names in Russia it still not sufficient from the point of their regional component, this relates especially to the ethnonyms of the Russian North-East; in that regard, the present topic still abides high relevance of research. The ethnonyms of the Russian North-Eastern indigenous peoples do not have detailed investigation from the position of their involvement in the Far Eastern regional onomasticon. In the present paper the author restrains at investigation of two ethnonyms of one small-numbered people in the Russian North-East – Chukchi; he describes its men and women's official names, *Chukcha* and *Chukchanka*, from the view of the lexical units' simultaneous attribution to literary language and regiolect. This paper is a theoretical study of the question that the ethnonyms *Chukcha* and *Chukchanka* belong to onomastic regionalisms. The author gives a practical example of the Chukcha ethnonym transition from the regiolect to the core of the literary language and gives the reasons why the female derivative of this ethnonym, *Chukchanka*, remains in the language periphery and of little notice outside Chukchi's habitat.

Key words: *onomastics, onomasticon, onym, ethnonym, micro-ethnonym, Russian North-East, regionalism (linguistic), onomastic regionalism, regional onym, Chukcha (male Chukchi), Chukchanka (female Chukchi).*

References:

- Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka [Russian language big defining dictionary] / Chief ed. S. A. Kuznetsov. – Saint Petersburg: Norint, 2003. – 1536 p. (in Russian)
- Bondaletov V. D.** Russkaja onomastika [Russian onomastics]. – Moscow: Prosveshchenie, 1983. – 224 p. (in Russian)

- Berkutova V. V.** Feminativy v russkom jazyke: istoricheskij aspekt [Feminatives in the Russian language: historical aspect] // Philological aspect. – 2018. – No. 11 (43). – P. 6–22. (in Russian)
- Burykin A. A.** Istoriko-étnograficheskie i istoriko-kul'turnye aspekty izuchenija onomasticheskogo prostranstva regiona. Ocherki po toponimike i étnonimike Vostochnoj Sibiri [Historical-ethnographic and historical-cultural aspects of onomastic space studying of the region. Essays on place and ethnonym names of Eastern Siberia]. – Saint Petersburg: Centre for Oriental Studies publ., 2006. – 224 p. (in Russian)
- Beletskiy A. A.** Leksikologija i teorija jazykoznanija (onomastika) [Lexicology and theory of linguistics (onomastics)]. – Kiev: Kiev University publ., 1972. – 210 p. (in Russian)
- Velykij tлумachnyj slovnyk suchasnoji ukrajins'koji movy [Big defining dictionary of contemporary Ukrainian language] / Ed. by V. T. Busel. – Kiev; Irpen: VTF “Perun”, 2005. – 1728 p. (in Ukrainian)
- Gordova Yu. Yu.** Lingvisticheskie problemy regional'noj onomastiki (na materiale rjazanskoj toponimii i antroponimii) [Linguistic problems of regional onomastics (on material of Ryazan toponymy and anthroponymy)]: Doct. philol. sci. diss.: 10.02.21. – Moscow, 2018. – 573 p. (in Russian)
- Zenzinov V. M.** Starinnye ljudi u Kholodnogo okeana. Russkoe Ust'e Jakutskoj oblasti Verkhoyanskogo okruga [Ancient people near the Cold ocean. Russkoe Ustye of Yakutsk oblast in Verkhoyansk okrug] / Preface by V. V. Bogdanov. – Moscow: P. P. Ryabushinskiy's typography, 1914. – 134 p. (in Russian)
- Kulikova I. V.** Olen' – v jazyke, zhizni i dushe chukchej [Reindeer – in the language, life and soul of Chukchi]. – Saint Petersburg: Lema, 2016. – 214 p. (in Russian)
- Nikonov V. A.** Étnonimija [Ethnonyms] // Étnonimy [Ethnonyms]. – Moscow: Nauka, 1970. – P. 5–33. (in Russian)
- Novikova K. A.** Ocherki dialektov évenskogo jazyka. Ol'skij govor [Essays on Even language dialects. Ola patois]. Pt. 1. – Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences publ., 1960. – 264 p. (in Russian)
- Novejšij bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka [Russian language newest big defining dictionary] / Chief ed. S. A. Kuznetsov. – Saint Petersburg: Norint; Moscow: RIPOL klassik, 2008. – 1536 p. (in Russian)
- Ozhegov S. I.** Tolkovyj slovar' russkogo jazyka [Russian language defining dictionary] / Ed. by prof. L. I. Skvortsov. 26th ed., updated and revised. – Moscow, 2008. – 736 p. (in Russian)
- Resin A. A.** Ocherk inorodtsev russkogo poberezh'ja Tikhogo okeana [Essay on indigenous dwellers of the Russian Pacific coast]. – Saint Petersburg: A. S. Suvorin's typography, 1888. – 78 p. (in Russian)
- Robbek V. A., Dutkin Kh. I., Burykin A. A.** Slovar' évensko-russkij i rusko-évenskij [Even-Russian and Russian-Even dictionary]. – Leningrad: Prosveshchenie, 1988. – 264 p. (in Russian)
- Robbek V. A., Robbek M. Ye.** Évensko-russkij slovar' [Even-Russian dictionary]. – Novosibirsk: Nauka, 2005. – 356 p. (in Russian)
- Sirina A. A.** Éveny i évenki v sovremennom mire: samosoznanie, prirodopol'zovanie, mirovozzrenie [Evens and Evenks in modern world: self-conscience, environmental management, worldview]. – Moscow: Oriental literature, 2012. – 604 p. (in Russian)
- Sirotkina T. A.** Étnonimy kak predmet regional'noj lingvistiki [Ethnonyms as a subject of regional linguistics] // Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University. Series of philological sciences. 2005. No. 3 (12). P. 82–84. (in Russian)
- Sirotkina T. A.** Kategorija étnichnosti v russkom jazyke (na materiale étnonimii Permskogo kraja) [Category of ethnicity in Russian language (on material of Perm krai ethnonymy): Monograph. – Perm: Perm State Pedagogical University publ., 2008. – 216 p. (in Russian)
- Sirotkina T. A.** Aktual'nye problemy sovremennoj étnonimiki [Acute problems of contemporary ethnonymy] // Vestnik of Perm University. 2011. Issue 4 (16). P. 53–59. (in Russian)
- Slovar' russkogo jazyka [Russian language dictionary]. In 4 vol. / Ed. by A. P. Yevgenyeva. 4th ed., ster. – Vol. 4. – Moscow: Russian language, Poligrafresursy, 1999. – 736 p. (in Russian)
- Slovar' sovremenного russkogo literaturnogo jazyka [Contemporary Russian literary language dictionary]. In 17 vol. – Vol. 17. – Moscow; Leningrad: Nauka, 1965. – 2126 col. (in Russian)
- Slovnnyk ukrajins'koji movy [Ukrainian language dictionary]. In 11 vol. – Vol. 11. – Kiev: Naukova dumka, 1980. – 700 p. (in Ukrainian)
- Sokolyanskaya N. N.** Teoreticheskie i prakticheskie zanjatija po regional'noj leksike Krajnego Severo-Vostoka [Theoretical and practical lessons on regional lexicon of Far North-East] // Regional'naja lingvistika (Krajnij Severo-Vostok Rossii) [Regional linguistics (Far North-East of Russia)] / Ed. by A. A. Sokolyanskiy. – Magadan: North-Eastern State University publ., 2016. – P. 57–84. (in Russian)
- Superanskaya A. V.** Obshchaja teorija imeni sobstvennogo [Common theory of proper name] / Resp. ed. A. A. Reformatskiy. – Moscow: Nauka, 1973. – 366 p. (in Russian)

Superanskaya A. V., Staltmane V. E., Podolskaya N. V., Sultanov A. Kh. Teorija i metodika onomasticheskikh issledovanij [Theory and methodology of onomastic researches] / Resp. ed. A. P. Nepokupny. – Moscow: LKI publ., 2007. – 256 p. (in Russian)

Khakhovskaya L. N. Étnonimicheskie protsessy u aborigenov Severo-Vostoka Rossii (na primere évenov i kamchadalov) [Ethnonymic processes of aborigines of the North-East of Russia (case study of the Evens and Kamchadals)] // Russia and APR. 2018. No. 4. P. 25–36. (in Russian)

Khimik V. V. Tolkovyj slovar' russkoj razgovorno-obikhodnoj rechi [Dictionary of Russian colloquial speech]. In 2 vol. – Vol. 2. – Saint Petersburg: Zlatoust, 2017. – 530 p. (in Russian)

Shcherbak A. S. Regional'naja onomastika v kognitivnom aspekte [Regional onomastics in cognitive aspect]: Monograph. – Tambov: Tambov State University named for G. R. Derzhavin publ.; LLC "Tsentr-press", 2008. – 197 p. (in Russian.)

Gardiner A. The Theory of Proper Names. A Controversial Essay. 2nd ed., 2nd impr. – London; New York; Toronto: Oxford University Press, 1957. – viii, 78 p.

Teikin Mikhail Spartakovich – postgraduate student of Russian philology and journalism department.

North-Eastern State University.

Portovaya str., build. 13, Magadan, Russia, 685000.

E-mail: teikin-ms@mail.ru